

Михнова Мария Николаевна

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ УЗУСА И РАЗУМА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИНЦИПОВ
КОДИФИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В XVII-XVIII ВЕКАХ**

В статье предложен анализ французской грамматической доктрины XVII (Вожла, Дюплекс, Ирсон, Франсуа, Арно, Лансло, Буарегар, Буур) и XVIII (Ренье-Демаре, Бюфье, Ресто, Жирар, Дюкло, Бозе) веков с точки зрения понятий узуса и разума (грамматических правил, аналогии, функциональности, логики). Полемичность их соотношения допускает различные модели при кодификации, однако путем разработки трихотомии "Естественный порядок / Узус / Работа грамматистов" кодификаторы XVIII века приходят к абсолютизации узуса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 137-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**SPECIFICS OF DENTAL TERMINOLOGY GENESIS
IN EDUCATIONAL TEXTS OF ADVERTISING DISCOURSE**

Mzhel'skaya Ol'ga Kirovna, Ph. D. in Philology
Plekhanov Russian University of Economics (Branch) in Omsk
mzhelskaya@yandex.ru

Plotskaya Yuliya Valer'evna
Omsk State Medical Academy
inconnue1@mail.ru

The article is devoted to the consideration of dental vocabulary terminological systems in the German and English languages in the aspect of using the metaphorical and nonmetaphorical terms in advertising and educational texts. The authors conduct a review of advertising texts of leading manufacturers of oral care products, extract the terms-metaphors from advertising and educational texts by continuous sampling, and compile the tables of terms-metaphors in the English and German languages, their translation into the Russian language, and the comparison with scientific terms of the Greco-Latin origin. Special attention is paid to the metaphor as a productive way of semantic derivation.

Key words and phrases: terminological system; metaphorization; associative links; doublets; language worldview.

УДК 811.133.1-26

Филологические науки

В статье предложен анализ французской грамматической доктрины XVII (Вожла, Дюплекс, Ирсон, Франсуа, Арно, Лансло, Буарегар, Буур) и XVIII (Ренье-Демаре, Бюфье, Ресто, Жирар, Дюкло, Бозе) веков с точки зрения понятий узуса и разума (грамматических правил, аналогии, функциональности, логики). Полемичность их соотношения допускает различные модели при кодификации, однако путем разработки трихотомии «Естественный порядок / Узус / Работа грамматистов» кодификаторы XVIII века приходят к абсолютизации узуса.

Ключевые слова и фразы: французский язык; кодификация; узус; разум; грамматическое правило; аналогия; нормативность.

Михнова Мария Николаевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
maria_mikhnova@yahoo.fr

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ УЗУСА И РАЗУМА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ
ПРИНЦИПОВ КОДИФИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В XVII-XVIII ВЕКАХ[©]**

Сципион Дюплекс называет человеческий язык «*толмачом разума*» («*truchement ...de la raison*» [9, p. 59]), а Ноэль Франсуа – «*младшей дочерью разума*» («*fille puî-naye de la raison*» [10, Entrée]): грамматисты приходят к выводу о необходимости с философской точки зрения рациональности языка. Ей, однако, противоречит констатируемая произвольность узуса, то есть речевой практики, обозначаемая словами причуда (*caprice*), прихоть (*fantaisie*), странность (*bizarrierie*).

Полемика вокруг соотношения узуса и разума противопоставила еще во II веке до н.э. александрийских ученых, приверженцев аналогии и представителей Пергамской школы, сторонников аномалии [1, с. 27-28]. Аналогию следует понимать как соответствие предписательным законам, выведенным из узуса на основе сходства, но не всегда соответствующим речевой практике, которая получает статус аномалии. Секст Эмпирик так сформулировал позицию аномалистов: «...эллинская речь получится у нас в том случае, если мы будем следовать обиходу, а не аналогии» [Там же, с. 90].

Полемичность вариантов соотношения узуса и разума в XVII веке

Французская грамматическая доктрина не могла обойти стороной проблему, волновавшую еще античных ученых. Проанализировав восемь источников XVII века, мы пришли к выводу о существовании четырех основных способов разрешения противоречия между разумом и узусом. Речь идет об 1) абсолютизации узуса, то есть утверждении примата узуса над разумом; 2) релятивизации узуса, то есть введении дополнительных условий для его абсолютизации; 3) рационализации узуса, то есть стремлении к объяснению узуса; 4) абсолютизации разума, то есть утверждении примата разума над узусом. Кроме того, существует 5) позиция золотой середины.

1) Абсолютизация узуса предполагает, что соответствие узусу является единственным значимым критерием при признании нормативным того или иного языкового факта, тогда как рациональные критерии лишаются значимости: «*В нашем языке нужно всецело подчиняться узусу...*» («...*l'Usage est celui auquel il se faut entièrement soumettre en nostre langue...*» [15, Préface § V]).

Признавая, что узус может нарушать законы разума, Андри де Буарегар считает абсолютизацию узуса разумно мотивированной [5, Préface]. Несмотря на изменчивость, узус наделяется абсолютной силой, так как «лучше нравиться недолго, чем всегда не нравиться» («...il vaut mieux plaire quelque temps que de déplaire toujours») [Ibidem]. Вот почему в заглавии работы Буарегара вынесены слова «современный узус»: *Reflexions sur l'usage present de la langue française* [Ibidem].

2) Фактическая вариативность узуса противоречит принципу абсолютизации и приводит к релятивизации узуса, предполагающей, что узус признается единственным нормативным критерием лишь при соблюдении некоторых условий, и в таком случае разумные основания в расчет не принимаются. Таким условием могут быть единообразность и общепризнанность формы: «...выражения, допускаемые общим и бесспорным употреблением, должны считаться хорошими, даже если они противны правилам и языковой аналогии...» («...les façons de parler qui sont autorisées par un usage général et non contesté, doivent passer pour bonnes, encore qu'elles soient contraires aux règles et à l'analogie de la langue...») [3, p. 324].

Другим условием выступает продолжительность узуса: если узус устоялся, «ему следует подчиниться, не принимая в расчет, разумен он или нет...» («...on doit s'y rendre sans considérer s'ils sont raisonnables ou non...») [2, p. 465]. Если же речь идет о вариативном или неустоявшемся узусе, логика (*raison*) выступает решающим критерием нормативности форм [Ibidem].

Таким образом, лишь определенный узус (*usage déclaré*) требует полнейшего почитания (*entière deference*) вопреки всем доводам в мире («au prejudice de toutes les raisons du monde») [15, p. 454], а в противном случае «нужно непременно звать к разуму, который приходит на помощь узусу» («...il faut nécessairement recourir à la Raison, qui vient au secours de l'Usage») [Ibidem, p. 455].

Разумность, прежде всего, ассоциируется с аналогией [Ibidem, p. 453], синонимом которой может выступать правило (*règle*) [Ibidem, p. 16]. Аналогия определяется как «подобие или сходство, обнаруживаемое между устоявшимися формами» («...c'est une ressemblance ou une conformité qui se trouve aux choses desja établie») [Ibidem, Préface §IV].

Разумность, однако, может пониматься шире – как функциональность, полезность (*utilité*) [3, с. 263]. Таким функциональным обоснованием может быть стремление к дифференциации, ясности, позволяющее «сделать речь более четкой и избежать двусмысленности» («...rendre le discours plus net, et éviter plusieurs ambiguités») [3, p. 293], ведь «разум не желает, чтобы мы использовали двусмысленные слова там, где можно без них обойтись» («...la raison ne veut pas que l'on face des mots equivoques, quand on s'en peut passer») [15, p. 16]. Краткость (*bréveté de l'expression*) также оценивается грамматистами как преимущество: Клод Фавр де Вожа предсказывает постепенное закрепление в узусе кратких форм *pour que* [Ibidem, p. 17-19] или *sortir* вместо *faire sortir*, так как «этот узус удобен, поскольку он сокращает сказанное» («...cet usage est commode, en ce qu'il abrege l'expression») [Ibidem, p. 39].

3) Более широкое понимание разумности становится основой для рационализации узуса. Противопоставив аналогии аномалию (*anomalie*), то есть «различие или несоответствие, существующее между схожими словами» («...une dissemblance et disconvenance entre des mots semblables») [9, p. 51], Сципион Дюплекс и Клод Ирсон находят философское обоснование существованию нерегулярностей в языке: разнообразие в языке подобно разнообразию вещей в природе [9, p. 54; 12, Préface].

Аномалия, таким образом, получает статус языковой универсали наряду с аналогией и признается сообразной разуму [9, p. 59-60]. Попытку найти рациональное обоснование языковой нерегулярности – в данном случае речь идет о нарушении аналогии при добавлении к предлогу *de* неопределенного артикля множественного числа *des (de)* – мы видим и в следующем примере: аналогия требует образования формы «*de des*», «...но так сделано не было по причине, объясняющей большую часть нерегулярных форм в языке, которую можно обозначить словом какофония, то есть плохое произношение» («...mais qu'on ne l'a pas fait pour une raison qui fait la plupart des irrégularités des langues, qui est la cacophonie, ou mauvaise prononciation») [3, p. 295].

4) Противопоставление *bon usage* и *mauvais usage* [6, p. 340] приводит к абсолютизации разума, так как разум становится критерием для их разграничения. Так, Дюплекс называет узус, противоречащий логике, «чистейшим злоупотреблением, которое следует осуждать, а не истинным употреблением, которому должно следовать» («...l'usage introduit avec de si mauvaises conditions, est plustost un pur abus que l'on doit condamner, qu'un vray usage que l'on doive ensuyvre ...») [9, p. 9].

Не умаляя значения узуса для языка и приводя в конце грамматики список лучших современных авторов, Клод Ирсон, тем не менее, ставит разум, понимаемый как грамматические правила, выше узуса: изучение грамматики – правильной (*régulière*), понятной (*intelligible*) и дающей непреложные правила (*Règles infaillibles*) – представлено как оптимизация процесса постижения языковой нормы. Так, «изучая правила нашего языка, люди добились за месяц большего, чем смогли бы достичь за десять лет частой речевой практикой и повседневным использованием языка» («...des personnes ...ont plus profité en un Mois dans la pratique des Règles de notre Langue, qu'elles n'auoient fait en dix ans par les conversations fréquentes et par l'usage ordinaire») [12, Préface].

5) Попытка примирить в теоретическом плане существующие противоречия предпринята Ноэлем Франсуа. Его решение можно назвать правилом золотой середины: он вводит три равноценных критерия нормативности – разум (*raison*), то есть соответствие законам грамматики, диалектики и риторики; узус (*usage*), то есть соответствие принятому употреблению; аналогию (*analogie*), то есть соответствие французского родственным языкам (греческому, латинскому, испанскому и итальянскому). Каждый из этих критериев имеет свои ограничения: разум и узус – как во французском, так и в иностранных языках – могут находиться в противоречии или быть неизвестными. Поэтому ни один из критериев не абсолютизируется [10, Entrée].

Итак, в XVII веке понятие узуса (*usage*) противопоставлено разуму (*raison*), правилу (*règle*), аналогии (*analogie*) или грамматике (*grammaire*). Грамматисты предпринимали разные попытки разрешить противоречия – посредством абсолютизации узуса, его релятивизации или рационализации, абсолютизации разума, апелляции к здравому смыслу (*bon sens*).

Трихотомия *Естественный порядок / Узус / Работа грамматистов* и абсолютизация узуса в XVIII веке

В шести проанализированных работах XVIII века эксплицитно выражена оппозиция между правилами грамматики и узусом. Так, Франсуа-Серафен Ренье-Демаре предлагает рассматривать употребление слов и выражений «...либо с точки зрения правил грамматики, либо с точки зрения узуса, который далеко не всегда этим правилам следует» («...on entrera dans le détail de tout ce qui en regarde l'emploi, soit par rapport aux règles de la Grammaire, soit par rapport à l'usage, qui se dispense assez souvent de les suivre» [13, p. 2]). Попытаемся понять, какие представления о языке стоят за этой оппозицией.

Клод Бюфье предполагает существование естественного порядка (*ordre naturel*) и произвольных элементов, введенных узусом или работой грамматистов («ce que l'usage ou la prévention... ont ajouté d'arbitraire» [7, p. 5]). Габриель Жирар единственными ориентирами избирает природу (*Nature*) и узус (*Usage*) [11, p. 3]. Даже если оппозиция этих понятий у Жирара не эксплицируется, грамматист имплицитно подчиняется общей тенденции их противопоставления. Шарль Пино Дюкло пишет: «Лишь обратившись к узусу, можно узнать употребление слов; но грамматисты обязаны работать с большей точностью» («L'usage seul peut instruire de l'emploi des mots; mais les grammairiens sont obligés à plus de précision» [8, p. 458]). Никола Бозе противопоставляет общеязыковым незыблемым принципам («*principes immuables et généraux du Langage prononcé ou écrit*») произвольные узуальные употребления конкретного языка («*institutions arbitraires et usuelles d'une langue particulière*») [4, p. 10].

Таким образом, самые общие представления о языке с точки зрения нормативности в работах грамматистов XVIII века сводятся к трихотомии *Естественный порядок / Узус / Работа грамматистов*.

Основу любого языка составляет естественный порядок (природа, правила грамматики, общеязыковые незыблемые принципы), предполагающий существование универсальной языковой структуры. Пьер Ресто выделяет принципы двух видов. «Одни из них являются общими. Они свойственны всем языкам, так как почерпнуты из самой природы вещей и различных мыслительных операций, на которые способен человек» («Les uns sont généraux et communs à toutes les Langues, parce qu'ils sont pris dans la nature même des choses, et dans les différentes opérations dont l'esprit de l'homme est capable» [14, p. 2]). Главная характеристика общеязыковых принципов – это их рациональность и логичность. Общую грамматику, предметом которой и являются такие общеязыковые принципы, Никола Бозе называет грамматической наукой (*science grammaticale*) [4, p. 10].

Другой вид принципов, выделяемый Ресто, «относится лишь к использованию слов и манере выражения. Эти принципы свойственны каждому языку в отдельности» («Les autres principes sont ceux qui ne regardent que les mots ou la manière de s'exprimer, et qui sont propres à chaque Langue en particulier» [14, p. 2]). Эти принципы (или узус) характеризуются произвольностью и модифицируют естественный порядок. Узус конкретных языков описывает частная грамматика, которую Бозе называет грамматическим искусством (*art grammatical*) [4, p. 10]. Именно как искусство обучения правильной речи определяют грамматику Жирар [11, p. 26] и Ренье-Демаре [13, Préface].

Работу грамматистов мы выделяем в отдельную категорию, так как при кодификации нередко играет роль человеческий фактор. С одной стороны, критика деятельности грамматистов встречается у Бюфье, Ресто, Дюкло. Так, Бюфье осуждает грамматики как за неполноту, так и за избыточность, а также за некомпетентность авторов и несовременность («...ou elles [*grammaires*] sont trop étendues pour des commençans; ou elles ne traitent point de toutes les parties de la Grammaire; ou elles sont faites par des Auteurs qui ne sont pas à portée de savoir le véritable usage de notre langue; ou enfin elles sont si anciennes, que cet usage a changé considérablement depuis qu'elles ont paru...» [7, Préface]). Ресто критикует беспорядочность некоторых трудов, начало которых невозможно понять, не прочитав конца, а также их узкую специализированность и информационную перенасыщенность («J'ai encore été très-attentif à éviter un défaut qui se trouve dans quelques Grammaires, où j'ai remarqué que les matières sont quelquefois distribuées avec si peu d'ordre, qu'on ne peut entendre les premières que par celles qui suivent» [14, p. 10]; «Mais on peut dire des plus parfaites, sans prétendre rien ôter de leur mérite, qu'elles sont trop chargées, et qu'elles ne sont point assez simples pour les personnes sans étude...» [Ibidem, p. 20-21]). Дюкло призывает провинциальных грамматистов воздержаться от написания глав, посвященных произношению («Tout grammairien qui n'est pas né dans la Capitale, ou qui n'y a pas été élevé dès enfance, devrait s'abstenir de parler des sons de la langue» [8, p. 406]).

С другой стороны, некоторые грамматисты допускают возможность проведения различного рода реформ (то есть фактически признают возможность единоличного воздействия на язык) при соблюдении некоторых условий. Так, Дюкло, предлагая ввести буквы *λ* и *ñ*, подчеркивает, что это всего лишь «простые соображения» («de simples vues» [Ibidem, p. 402]). Бозе также считает, что каждый волен предлагать проекты реформ, подчиняясь воле национального узуса, от которой зависит судьба нововведений, какими бы преимуществами они ни обладали [4, p. 183-184]. Именно поэтому грамматист не советует менять систему целиком, а собственные предложения по изменению графики (использование округлых для начертания гласных и прямых для начертания согласных) называет не проектом, а соображениями [Ibidem, p. 193-195].

Такая осторожность оказывается оправданной: некоторые грамматисты XVIII века выступали резкими противниками каких бы то ни было реформ, считая, что единоличное воздействие на язык противоестественно. Так, Бюфье утверждает, что «желание ввести новую манеру выражения, о которой люди не услывались, или изменить общепризнанную под предлогом совершенствования или существования грамматического порядка ведет к искажению или разрушению языка, а не к его изучению или преподаванию» («*Vouloir introduire d'autres manieres de parler, dont ils ne sont pas convenus ou alterer les leurs, sous prétexte de perfection ou de regle de Grammaire; ce seroit embrouiller ou détruire leur langue, au lieu de l'apprendre et de l'enseigner*» [7, p. 11]). Это объясняется, прежде всего, взглядом грамматиста на язык вообще как на результат незримого соглашения и на грамматику как на надязыковую надстройку: «не языки были созданы для грамматики, а грамматика для языков» («*Les langues n'ont pas été faites pour la Grammaire, mais la Grammaire pour les langues*» [Ibidem, p. 8]).

Таким образом, устанавливается примат узуса над грамматическими правилами. Бюфье считает недопустимыми выражения, в которых этот принцип нарушается: «в этом узус противоречит грамматике» («*L'usage est en ce point opposé à la Grammaire*»), «язык здесь нарушает законы грамматики» («*La langue s'affranchit ici des loix de la Grammaire*») или «говорят так или иначе, однако это против правил грамматики» («*On parle de telle ou telle sorte mais c'est contre les règles de la Grammaire*») [Ibidem, p. 11].

Работа грамматистов должна сводиться к фиксации узуса и к оптимизации процесса обучения: цель грамматики – «упростить способ изучения языков» («*La Grammaire... a pour but de faciliter le moyen d'apprendre les Langues*» [Ibidem, p. 2]). В процессе кодификации разум должен выступать именно как инструмент познания, а не как нормативный критерий: «...узус имеет свою собственную власть, которая не зависит от разума: так, разум, в сущности, к языку не имеет никакого отношения, разве что бывает полезен при изучении языка таким, каков он есть, или же для нахождения способа изучения языка таким, каков он есть» («*...cet usage a son empire par lui-même indépendamment de la raison: ainsi la raison n'a proprement rien à faire par rapport à une langue, sinon de l'étudier et de l'apprendre telle qu'elle est, ou d'inventer un moyen de la faire étudier et de la faire apprendre telle qu'elle est*» [Ibidem, p. 10]).

Итак, в XVIII веке трихотомия *Естественный порядок / Узус / Работа грамматистов* предполагает, что узус является реализацией общезыковых принципов. Его описание является задачей частной грамматики, которая должна ему подчиняться, а не довлеть над ним.

Таким образом, в результате исследования мы можем констатировать, что проблема соотношения узуса и разума при кодификации французской грамматики допускала различные решения в XVII веке, однако в XVIII веке грамматисты пришли к необходимости абсолютизации узуса, тогда как функции разума были сведены к оптимизации обучения языку.

Список литературы

1. Фрейденберг О. М. Античные теории языка и стиля. М. – Л.: Соцэкгиз, 1936. 341 с.
2. **Arnauld A.** Regles pour discerner les bonnes et mauvaises critiques des traductions de l'écriture sainte en François. Pour ce qui regarde la langue, Avec des Réflexions sur cette maxime, que l'Usage est le tyran des langues vivantes. Sur l'édition faite à Paris, chez Charles Huguier, en 1707 // Oeuvres de Messire Antoine Arnauld. P., 1777. T. 8. P. 423-466.
3. **Arnauld A., Lancelot C.** Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal (1660). P., 1803.
4. **Beauzée N.** Grammaire générale, ou Exposition raisonnée des éléments nécessaires du langage: pour servir de fondement à l'étude de toutes les langues. P., 1767. T. I.
5. **Boisregard A. de.** Reflexions sur l'usage present de la langue française. P., 1689.
6. **Bouhours D.** Suite des Remarques nouvelles sur la langue française. P., 1692.
7. **Buffier C.** Grammaire française sur un plan nouveau. P., 1709.
8. **Duclos Ch.-P.** Remarques sur la Grammaire raisonnée dite de Port-Royal (1754). P., 1803.
9. **Dupleix S.** Liberté de la langue française dans sa pureté. P., 1651.
10. **François N.** Politesse de la langue française. III éd. P., 1664.
11. **Girard G.** Les Vrais principes de la langue française, ou la Parole réduite en méthode conformément aux lois de l'Usage. P., 1747.
12. **Irson C.** Nouvelle Méthode pour apprendre facilement les principes et la pureté de la langue française. P., 1656.
13. **Regnier-Desmarais Fr.-S.** Traité de la grammaire française. P., 1706.
14. **Restaut P.** Principes généraux et raisonnés de la grammaire française. P., 1730.
15. **Vaugelas C. F. de.** Remarques sur la langue française. P., 1647.

THE ISSUE OF THE CORRELATION OF THE USAGE AND MIND WHILE ESTABLISHING PRINCIPLES OF CODIFICATION OF THE FRENCH LANGUAGE IN THE XVII-XVIII CENTURIES

Mikhnova Mariya Nikolaevna
Lomonosov Moscow State University
maria_mikhnova@yahoo.fr

The article proposes the analysis of the French grammar doctrine of the XVII (Vaugelas, Dupleix, Irson, Francois, Arnauld, Lancelot, Boisregard, Bouhours) and the XVIII (Regnier-Desmarais, Buffier, Restaut, Girard, Duclos, Beauzee) centuries from the standpoint of the usage and mind (grammar rules, analogy, functionality, logic). The controversy of their correlation allows various models in the process of codification, however by means of developing the trichotomy “Natural order / Usage / The work of grammarians” the codifiers of the XVIII century lead to the absolutization of the usage.

Key words and phrases: the French language; codification; usage; mind; grammar rule; analogy; normativity.